

вселенную, великий символ, который, в частности, нашел адекватное отражение в средневековой фресковой росписи.

Христианская культура меняла отношение человека ко времени. Если язычество трактовало время циклично, как повторяющийся годичный круг (весна, лето, осень, зима), то христианство этот круг «разомкнуло»: трактовка времени становится эсхатологической, а время – линейным. Его отсчет начинается с сотворения мира и завершается Апокалипсисом. В новом понимании времени – три момента: начало, кульминация, завершение.

Таким образом, определив человека как высшее творение Бога, христианская культура наделила его новым пониманием жизни, дала ему право свободного выбора между добром и злом в рамках Божественного Провидения. Новое понимание мира и своего места в нем жители средневековой Таврики отразили во фресковой росписи, немногочисленные образцы которой сохранились до наших дней. Процесс проникновения и утверждения христианской идеологии на территории раннесредневековой Таврики был длительным и сложным. Ему предшествовал длительный переходный период постепенного отказа от привычных языческих культов, период «умирания» античных богов, на протяжении которого имело место сосуществование старых, унаследованных от дедов и прадедов религиозных представлений и нарождавшейся новой христианской идеологии, заимствовавшей и приспособившей к своим догматам многое из достижений античной мысли.

Источники и литература:

1. Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма / А. И. Айбабин. – Симферополь : ДАР, 1999. – 352 с.
2. Герцен А. Г. Пещерные города Крыма / А. Г. Герцен, О. А. Махнева. – Симферополь : Таврида, 2006. – 201 с.
3. Завадская И. А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV – VI вв.) / И. А. Завадская // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2003. – Т. 10.
4. Зубарь В. М. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси / В. М. Зубарь, Ю. В. Павленко. – К. : Наукова Думка, 1988. – 208 с.
5. Зубарь В. М. У истоков христианства в юго-западной Таврике : Эпоха и вера / В. М. Зубарь, В. М. Сорочан. – К. : Стилоз, 2005. – 185 с.
6. Зубарь В. М. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI вв.) / В. М. Зубарь, А. И. Хворостяный. – К. : Ин-т археологии НАНУ, 2000. – 180 с.
7. Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики / А. Л. Якобсон // Советская археология. – 1954. – № 34.
8. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России / М. И. Ростовцев. – М. : Наука, 1959. – 470 с.
9. Уваров А. С. Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя / А. С. Уваров // Прописи. Сборник по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым. – М., 1854. – Кн. 4. – Отд. 1. – С. 525-537.
10. Уваров А. С. Христианская символика / А. С. Уваров. – СПб. : Алетейя, 2001. – 256 с.

Курьянова И.А.

УДК 008:130.2:004(714)

КОКТЕБЕЛЬСКИЙ ДОМ ПОЭТА М. ВОЛОШИНА В КУЛЬТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Времена не выбирают, и нам, как когда-то художнику, поэту и философу серебряного века Максимилиану Волошину, выпало жить «во время перемен», и, так же, как и ему, в благословенном и прекрасном Крыму.

Кризисное время рождает у поэтов и философов желание не только осмыслить и понять, не только найти способ жить и творить, но, главное для людей такого склада – научить других жить в этой ситуации, жить, не теряя человеческого достоинства. В условиях, когда неизвестно «сколько ночи» (Библи.) еще впереди, главное – дать человеку «возможность находить звезды и ориентироваться по ним», так считал немецкий философ М. Вебер, небезосновательно полагая, что временная нестабильная ситуация может оказаться постоянной для жизни целого поколения. Поэтому опыт жизни поколения, прошедшего с честью испытание кризисом, «поколения рубежа» (А. Белый) конца XIX – начала XX веков, чрезвычайно актуален для нас сегодня.

Яркой звездой на небосклоне серебряного века сияет имя нашего земляка Максимилиана Александровича Волошина. Сам он небезосновательно считал себя «гражданином мира», но любовь к Крыму и Коктебелю стала определяющей и в формировании личности, и в жизнетворчестве поэта-философа.

Интерес к Волошину начинается, как правило, с удивления. Талантливый поэт, интересный художник и оригинальный мыслитель – он ни в одной из этих отдельно взятых областей творчества не создал столь великих творений, что в полной мере оправдало бы тот искренний и устойчивый интерес к его жизни и творчеству, который поддерживается в обществе уже больше века. Почему же Дом Поэта, построенный им сто лет назад на далекой окраине России, в пустом тогда и, по словам самого поэта, «забытом Богом», «скудном» Коктебеле, куда добираться надо было от железной дороги целый день «на певучей арбе по дебрям восточного Крыма» (М. Цветаева) стал одним из духовных центров культуры серебряного века?

Почему судьбы многих творцов культуры той эпохи, блестящих денди, жителей столиц, так или иначе оказываются связаны с Домом Волошина в Коктебеле? А. Белый, К. Бальмонт, В. Брюсов, О. Мандельштам, И. Эренбург, М. Цветаева, В. Вересаев, А. Толстой, Н. Гумилев, К. Богаевский, А. Грин, А. Лентулов, К. Чуковский – вот далеко не полный список тех, для кого Дом Поэта становился на какое-то время домом, местом отдыха и плодотворного творческого труда. Под гостеприимной кровлей одновременно собирались очень разные крупные творческие личности, подчас несовместимые друг с другом в другом жизненном интервале в силу разнонаправленности своих творческих и политических интересов, но всем им одинаково хорошо и уютно жилось и работалось здесь. Гумилев написал в Коктебеле прославленных «Капитанов», а Толстой, стоя за конторкой, которую сделал своими руками для него хозяин Дома, сочинял «Сорочьи сказки», здесь впервые прозвучали многие стихотворения Цветаевой, работал над пьесой «Яков Богомоллов» Горький и читал коктебельцам впервые «Собачье сердце» и «Роковые яйца» Булгаков, а Белый – драму «Петербург».

Почему первый в стране Дом Творчества, созданный Волошиным, продолжает жить и сегодня, оставаясь излюбленным местом отдыха и вдохновенного труда для творческой интеллигенции, местом паломничества и дружеских встреч, выставок и фестивалей, научных конференций и съездов, вполне оправдывая определение, данное ему – Дому – Андреем Белым: «не музей, а дыхание жизни»?

Попробуем ответить на эти вопросы.

Кризис – вот ключевое слово эпохи рубежа XIX – XX веков, кочующее по страницам произведений, журнальным статьям, дневникам и письмам того времени. В русской культуре рубежа веков побеждает потребность в действии, в созидательном творчестве, способном влиять на реальность. Ярчайшие представители культуры начала XX века делают попытки развить художественное творчество до творческого отношения к жизни, преобразить искусство в новый тип культуры, а его произведения – в духовные ценности, способные... изменить формы самой жизни. Разные варианты личностных философско-художественных систем находим у А. Белого, Вяч. Иванова, Н. Рериха, В. Соловьёва.

Именно в этот период в культуре сформировался особый феномен: выдвижение на первый план Личности, когда художник в жизни начинает значить больше как явление культурно-исторического порядка, как личность, чем как создатель непосредственно художественных ценностей. Такая личность может не сделать каких-то великих открытий в искусстве, а просто обогатить его, важно иное – без этого человека, без такой Личности культурно художественная жизнь времени немислима.

О том, что символизм, ставший ведущим художественным методом эпохи, предлагал интересные программы выхода из «хаоса» кризисного времени, предоставляя ведущую роль в организации «жизни по законам искусства» именно личности художника и не был чисто литературным явлением, писал еще Ходасевич: «это был ряд попыток... найти верный сплав жизни и творчества», художник, «созидающий поэму не в искусстве, а в жизни, стал законченным явлением в ту пору». Старшие символисты выдвинули идею «теургии» как присущей искусству способности «творения», но, по мнению А. Белого, «не преуспели в ней, застыв в тоске и нерешительности» перед зоной хаоса жизни..., «ныне – увы! – художники еще не теурги, только ищущие...». Ни Вяч. Иванов в мифотворчестве своём и теургических собраниях на Башне, ни Белый с его кружком «Аргонатов», находившихся в плену собственных утопий – никто из символистов не сделал последнего шага для реального выхода искусства в жизнь.

Это удалось, как нам представляется, сделать только Максимилиану Волошину. Синтез мысли, творчества и реальной практики жизни привел его к идее постройки Дома, открытого для всех творческих людей, к созданию Дома для жизни Культуры в неустроенное переломное, губительное для культуры время, к воплощению в реальность стен идей Теургии и Всеединства. Дом Поэта М. Волошина в Коктебеле стал самой продуктивной формой жизнотворчества в культуре начала века и величайшим творением гения Максимилиана Волошина.

Много говорилось о Волошине – космополите, но в последнее время его все чаще называют «гением места». Вдоволь набродившись по дорогам мира, Волошин сознательно выбрал Крым как место для жительства и тему для творчества. Здесь, в Коктебеле, у молчаливых...

Торжественно-пустынных берегов
Очнулся я – душа моя разъялась,
И мысль росла, лепилась и ваялась
По складкам гор, по выгибам холмов.

.....
Сосредоточенность и теснота
Зубчатых скал, а рядом широта
Степных равнин и мреющие дали
Стиху разбег, а мысли меру дали.
Моей мечтой с тех пор напоены
Предгорий героические сны
И Коктебеля каменная грива... («Коктебель». 1918).

Восточный Крым воспринимался Волошиным как место сакральное, в котором собираются духовные лучи времени. Душа и кисть художника поэтизируют, на первый взгляд, совсем не поэтические пейзажи, неброская красота которых постижима скорее душой, чем глазами. Все лучшее в его творчестве создано на этой земле. Но, пожалуй, самым великим его творением стал Дом и Волошинский Коктебель:

Его полынь хмельна моей тоской,
Мой стих поёт в волнах его прилива,
И на скале, замкнувшей зыбь залива,

Судьбой и ветрами изваян профиль мой... («Коктебель». 1918) – мистическое, необъяснимое и действительно существующее совпадение профиля скалы Кок-Кая на западе коктебельской бухты с профилем поэта. Это ли не перст судьбы?

Здесь, в Коктебеле Волошин строит свой Дом. Будучи «родом из человечества», строит не для себя одного, а для всех, нуждающихся в нем, понимая, что самое разрушительное человеческое чувство – бездомность. Человеку нужен Дом – такое место в пространстве мира, где он чувствует себя «у себя дома», – очень сложное чувство, складывающееся из многих составляющих, таких как: защищенность, стабильность, надежность, близость и родство с окружающими, душевный комфорт, надежда и ещё многое, многое другое, не всегда выразимое словами. Дом – это важная сакральная точка на карте человеческой жизни. Свой жизненный путь любой из нас ведет либо из Дома, либо – Домой, и дело здесь не в месте и даже не в стенах. Дело в ощущении себя «дома». В неустроенном и постоянно перекраиваемом пространстве мира, человек кризисного периода острее воспринимает Дом как своё стабильное место в жизни, стены Дома – как нечто защищающее и охраняющее личное жизненное пространство, в котором только и можно жить по-человечески.

Разрухе, царившей в мире, сотрясаемом революциями и войнами, поэт-философ противопоставил созидание, строительство. В условиях гражданской войны М. А. Волошин нашёл свой способ собирания распадающихся связей бытия. При всеобщей номадности (бродяжничество, скитание) времени, Дом Волошина в Коктебеле стал реальной пристанью, домом для многих. Глобальному разобщению времени Максимилиан Александрович противопоставил собирательство, положив в его основу идею объединения не по какому-либо признаку (например, по принадлежности к какому-либо кругу или направлению в искусстве), а славянскую идею Соборности – единения всех и со всеми, в основе которого осознание ценности каждого индивида.

Строил свой дом М. А. Волошин по собственным чертежам и расчетам, заложив в основу проекта принцип «золотого сечения» – идею античной гуманистической гармонии, основанной на соразмерности человека и мира, тем самым, противопоставив антигуманизму времени свою любовь к человеку, веру в него, заботу о нем. Поставил он свой дом в центре бухты, на берегу моря, так, чтобы из окон и с балкона был виден каменный костер Кара-Дага и скала Кок-Кая с мистическим профилем. «Поэту, – считал Волошин, – необходимо создать свое небо, чтобы оттуда судить современность, воздвигнуть свою Вавилонскую башню, чтобы с ее вершины взглянуть на расстилающуюся под его ногами землю». И он пристраивает к своему дому пятигранную башню – мастерскую, увенчанную плоской крышей, на которую можно подняться и с высоты ее взглянуть вниз. Только вид открывается не на землю, а на бескрайнее море, и Дом становится скорее похожим на спасительный Ковчег, рассекающий своей рострой синь морского залива.

Во время войны в этом доме царил мир, вражде, царившей в обществе, была противопоставлена дружба. Вот как об этом вспоминает М. Цветаева, часто гостившая у поэта: «Макс на вражду своего согласия не давал и этим человека разоружал. ... Он умел дружить с человеком и с его врагом, причем никто никогда не почувствовал его предателем, причем каждый... неизменно чувствовал всю исключительную его... преданность..., ибо это было. Это было... не равнодушие, и... не двоедушие, а *вседушие*... некое равенство всего существа... Его дело жизни было – сводить, а не разводить, и знаю, от очевидцев, что он не одного красного с белым, человечески, свёл, хотя бы на том, что каждого в свой час, от другого спас...». «Человек мне важнее его убеждений», – утверждал сам Волошин:

В те дни мой дом, слепой и запустелый,
Хранил права убежища, как храм,
И растворялся только беглецам,
Скрывавшимся от петли и расстрела.
И красный вождь, и белый офицер, –
Фанатики непримиримых вер –
Искали здесь, под кровлею поэта,
Убежища, защиты и совета.
Я ж делал всё, чтоб братьям помешать
Себя губить, друг друга истреблять... («Дом поэта».1926).

Дом М. А. Волошина был притягателен для духовной элиты серебряного века ещё и потому, что идея Дома для жизни Культуры, где в условиях войн и революций можно было бы жить духовной созидательной творческой жизнью, была близка всем творческим людям: и символистам, и акмеистам, и представителям других направлений, независимо даже от места, страны. Это была поистине мировая, даже – космическая идея. Сам Волошин ранее принял участие в постройке другого Дома для Духа – «Храма св. Иоанна», который создавался во время первой мировой войны в Швейцарии международной антропософской общиной, объединявшей представителей различных наций. Такой постройкой антропософы пытались

противопоставить войне дружеское созидание. «Это работа, высокая и дружная, бок о бок с представителями всех враждующих наций, в нескольких километрах от поля первых битв европейской войны, была прекрасной и трудной школой человеческого и внеполитического отношения к войне» – отмечал М. Волошин. Только вот Ковчег этот призван был спасти только тех, кто разделял взгляды антропософов. Любимый ученик Штейнера, Волошин пойдет дальше своего учителя, создававшего Дом лишь для избранных и посвященных.

Чуть позже, в 1919-1923 годах, в Петрограде также создавался Дом Искусств, знаменитый ДИСК, который был задуман как организация, объединявшая работников искусств и ставившая целью пропаганду искусства, издание книг, организацию концертов, вечеров, выставок. В трудные годы, когда сыпняк, голод, холод косили людей, Диск стал одновременно домом, в котором поселились многие писатели, актеры, художники (А. Грин, Н. Гумилев, М. Зощенко, О. Мандельштам, В. Рождественский, О. Форш, В. Ходасевич, М. Шагинян, В. Шкловский, С. Ухтомский) и Домом Творчества, где творцы работали, проводили встречи с читателями и зрителями. В романе «Сумасшедший корабль» О. Форш воссоздала оригинальный образ ДИСКА – своеобразного гигантского Ноева Ковчега деятелей русской культуры, плывущего в революционных волнах.

Идея формирования элитных культурных сообществ, в которых творчество преобразовывалось бы в жизнетворчество, «витала» в воздухе: Башня Вяч. Иванова, кружок «Аргонатов» А. Белого, «Цех поэтов» Н. Гумилева. Временем культурно-духовного ренессанса назвал Н. Бердяев особую атмосферу культурных сообществ серебряного века. Здесь претворяли искусство в действительность, а действительность в искусство. Таким сообществом, несомненно, стал и Дом поэта М. Волошина в Коктебеле, в котором жизнь и творчество слились воедино.

Свой дом М. А. Волошин также строил как Дом Творчества. Гости здесь не только активно отдыхали. Они здесь много и серьезно работали. В ситуации кризиса, определяемой философией как ситуация пограничная «лицом к смерти», в среде творческой интеллигенции определяющим становится желание не просто выжить, но и вернуться «лицом к новой жизни», возродить полноценную духовную жизнь. Гибели культуры, которую нес ей мир, Дом М. А. Волошина противопоставил жизнь с её главным свойством и бесценной возможностью – творчеством. Стены этого Дома стали в прямом и переносном смысле опорами человеческому Духу. В голодное неуютное время здесь не благоденствовали. Единственное чего было вдоволь – это места для жизни. Жили бесплатно, питались, конечно, плохо. Вокруг голод, холод, разруха. «Никогда, кажется, я не знал такого постоянного, неумного голода, как в Коктебеле» – вспоминал Илья Эренбург. Но главное в другом – в этом доме складывалась атмосфера жизни творческой, насыщенной и интересной, что так не вязалось с общей атмосферой тревоги и страха, в которой жила вся остальная страна. Литературные споры, поэтические состязания, шуточные мистификации, совместные прогулки и чаепития с беседами, вечерние собрания на крыше Дома, где под кокетельскими звездами читали только что написанные стихи, пели песни, танцевали – все это создавало желанную атмосферу творчества. Почти – «пир во время чумы».

По большому счету, М. Волошин – талантливый игрок, способный «превратить» трудную жизнь в легкую игру, подарив искусству и культуре возможность творческой жизни, а людям кризиса исполнение мечты. Он был истинный «*Homo Ludens*» (человек играющий), гениально сыгравший в культуре начала века роль Теурга, творца не только собственной жизни, но и жизни Культуры. Взятая на себя ответственная роль, позволила Волошину «сотворить» свой особый мир в виде гостеприимного Дома на берегу теплого моря, возле мистически красивого Кара-Дага. Населить его талантливыми людьми и даровать им возможность радостно творить и самозабвенно играть, погрузившись в мир поэзии, философии, особых ритуалов, добрых розыгрышей с переодеваниями и мистификациями, забыв о суровой реальности. Участие в его игре дарило людям чувства, которых они были лишены в пограничный кризисный период: чувство единения, с себе подобными, радости сотворчества, уверенности в себе, удачливости. Достаточно вспомнить пример с созданием М. Волошиным из неприметной и хромоногой, отверженной в эстетских столичных салонах учительницы-поэтессы Дмитриевой легендарной роковой красавицы Черубины де Габриак, оказавшей впоследствии самое реальное влияние не только на судьбы известных людей (даже сам Волошин всерьез стрелялся из-за неё с Гумилевым), но и ставшей судьбой для самой Дмитриевой, так никогда уже и не печатавшейся более и до конца дней оплакивавшей смерть Черубины. Так тесно сплетались мысль, творчество и жизнь в Доме Поэта.

И конечно, Дом Поэта состоялся, прежде всего, благодаря Личности своего хозяина – Максимилиана Александровича Волошина. Это он, гостеприимный и радушный, стал тем магнитом, который притягивал сюда людей и был, по определению Марины Цветаевой, «очагом», у которого «все грелись и горели». Аура души поэта до сих пор освящает это место, и кокетельский Дом продолжает выполнять, заданные ему Волошиным, культурозозидающую и сберегающую культуру функции. Дом как понятие предполагает не только обыденный, но и сакральный, духовный смысл. Дом – это мир человека, мир, в котором на всём лежит отблеск его духа. В душе своей черпает человек силы жить, творить и строить.

В кризисной культуре подлинный интерес представляют собой и становятся духовными центрами только цельные и гармоничные творческие личности, способные к созданию собственного миропонимания, к разработке жизнестроительной деятельной философии, личности, способные стать опорой человеческому духу. Величие личности и дела М. А. Волошина в том, что, верно уловив сердцем поэта-философа «зов» Истины, восприняв идею сбережения и развития культуры в ситуации кризиса, он построил реальный Дом – место не столько бытийное, сколько культурное и экзистенциальное, смоделировав гармоничный образ мира в пространстве, лишенном гармонии, и подарив людям кризиса возможность жить и творить культуру.

Похоронить себя М. А. Волошин завещал на восточном мысе коктебельской бухты, так завершив свое земное «строительство» в Коктебеле: на западе – «профиль», на востоке – место вечного обитания, а посередине – Дом. Макс Волошин стал подлинным «гением места», он сам и его Дом навеки вписаны в универсальные порядки бытия:

Пойми простой урок моей земли:
 Как Греция и Генуя прошли,
 Так минет всё – Европа и Россия,
 Гражданских смут горячая стихия
 Развееется.... Расставит новый век
 В житейских заводях иные мрежи...
 Ветшают дни, проходит человек,
 Но небо и земля – извечно те же.
 Поэтому живи текущим днём.
 Благослови свой синий окоём.
 Будь прост, как ветер, неистошим, как море,
 И памятью насыщен как земля.
 Люби далёкий парус корабля
 И песню волн, шумящих на просторе.... («Дом поэта. 1926»).

Творчество Волошина удивительно и бесконечно. Его Дом и через сто лет остается Домом Творчества и Вдохновения, а его поэзия и жизненная философия и сегодня актуальны и интересны людям. Волошин вошел в историю не только и не столько как автор прекрасных произведений искусства, а, прежде всего, как Личность, творившая судьбы людей, страны и культуры. Николай Бердяев такое умение созидать собственную судьбу и личность, чтобы существование её становилось значимым для современников и потомков, назвал «святостью». Дом Поэта в Коктебеле – воистину святое место для всех творческих и духовных людей.

Источники и литература:

1. Белый А. Между двух революций / А. Белый. – М. : Худ. литература, 1990. – 669 с.
2. Волошин М. Автобиографическая проза. Дневники / М. Волошин. – М. : Книга, 1991. – 346 с. – (Из литературного наследия).
3. Волошин М. Стихотворения / М. Волошин. – М. : Книга, 1989. – 544 с.
4. Пинаев С. М. Близкий всем, всему чужой... Максимилиан Волошин в историко-культурном контексте серебряного века : монография / С. М. Пинаев. – М. : РУДН, 2009. – 343 с.
5. Цветаева М. Живое о живом (Волошин) / М. Цветаева. – СПб. : Сердце, 1993. – 74 с.

Пашковская Л.Л.

УДК 792(477.75)

GENIUS LOCI В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ СИМФЕРОПОЛЬСКИХ ТЕАТРОВ

Симферополь издавна считался городом театральным, и не только потому, что театров здесь немало, что публика здесь взыскательная и по-южному темпераментная, но главным образом, потому, что здесь находятся старейшие театры с уникальной историей и традициями.

Genius loci – гений места был известен древним как нечто, что связывает человека, его интеллектуальный, духовный, эмоциональный мир с материальной средой, с местом жизни. Связь эта очевидна, хотя загадочна и таинственна. Согласно Петру Вайлю (большому искуснику отслеживания этой мистической связи), на линиях пересечения художника с местом жизни возникает новая реальность, которая не проходит ни по ведомству искусства, ни по ведомству географии [1].

Крымский академический русский драматический театр им. М. Горького – один из старейших в стране. Архивные документы, периодическая печать, краеведческая литература свидетельствуют о том, что уже в начале 1820-х годов в Симферополе давались театральные представления. Фактически с этого времени в городе стал функционировать профессиональный театр. Тогда же московский купец Волков, страстный театрал, живший на юге некоторое время по совету врачей, положил начало театру. Желая «сократить» скучное время своей жизни в захолустье, он приспособил каменный сарай при Доме дворянского собрания, где и можно было смотреть спектакли многочисленных гастролирующих «товариществ», «компаний актёров», а также местных любителей. Вскоре появилась и своя труппа.

Это первое здание, расположенное в Театральном переулке, не сохранилось. Оно имело 107 аршин в длину, вмещало 400 зрителей и прослужило городу более 80 лет. Уже в середине XIX века стараниями директора мужской гимназии А. Самойлова оно было отремонтировано, а в 1870-х годах отставной поручик И.С. Чех перестроил его основательно, и корреспондент с гордостью писал в столичный журнал: «В нашем городе существует храм Мельпомены. Нельзя сказать, чтобы он был очень хорош, но нельзя утверждать, что он совсем дурён... Снаружи не оштукатурен, внутри отделан посредственно и включает в себе один ярус лож, партер, оркестр и галерею».

Географическое положение Симферополя располагало к тому, что здесь появлялось немало странствующих, гастролирующих трупп, товариществ актеров (компаний актеров, как они себя называли).